

83.3(2-Рис) 6

1733

О БАБЕЛЕ —
И НЕ ТОЛЬКО
О НЕМ

АНТОНИНА
ПИРОЖКОВА

*Я пытаюсь
восстановить черты*

ВОСПОМИНАНИЯ

кор. ас
РЗ 3/2 = Руч 1/6

1733

АНТОНИНА ПИРОЖКОВА

Я пытаюсь
восстановить черты

ВОСПОМИНАНИЯ

127

546054

АСТ
Москва

12+

АНТОНИНА
ПИРОЖКОВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ПЗЗ

Составление, вступительная статья, примечания,
общая редакция *Андрея Малаева-Бабеля*
Ответственный редактор *Елена Шубина*
Художник *Андрей Рыбаков*

В книге использованы фотографии
из личного архива Л.И. Бабель и Андрея Малаева-Бабеля,
а также из Государственного литературного музея
и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН
Благодарим также Л.А. Сталбо
за предоставленную фотографию Л.М. Варковицкой

Пирожкова, Антонина Николаевна

ПЗЗ Я пытаюсь восстановить черты : о Бабеле — и не
только о нем : воспоминания / Антонина Пирожкова;
сост., вступ. ст. и примеч. А. Малаева-Бабеля. — Москва :
АСТ, 2013. — 605 [3] с. — (Женский портрет эпохи).

ISBN 978-5-17-080718-5

Антонину Николаевну Пирожкову (1909—2010) еще при
жизни называли одной из великих вдов. Сорок лет она сначала
ждала возвращения Исаака Бабеля, арестованного органами
НКВД в 1939 году, потом первой после смерти диктатора доби-
лась посмертной реабилитации мужа, «пробивала» сочинения,
собирала воспоминания о нем и написала свои.

В них она попыталась «восстановить черты человека, наделен-
ного великой душевной добротой, страстным интересом к людям
и чудесным даром их изображения...»

Чудесный дар был дан и самой А.Н. Пирожковой. Она имела
прямое отношение к созданию «большого стиля», ее инженерному
перу принадлежат шедевры московского метро — станции «Пло-
щадь Революции», «Павелецкая», две «Киевские». Эта книга — тоже
своего рода «большой стиль». Сибирь, Москва, Кавказ, Европа —
и, по сути, весь XX век. Герои мемуаров — вместе с Бабелем, рядом
с Бабелем, после Бабеля: С. Эйзенштейн, С. Михоэлс, Н. Эрдман,
Ю. Олеша, Е. Пешкова, И. Эренбург, коллеги — известные
инженеры—метростроевцы, политические деятели Абель Енукидзе
и Бетал Калмыков. И рядом — просто люди независимо от их ранга
и звания — совсем по-бабелевски.

ГБУК КеМОНБ им. В.Д.Фёдорова
Основной фонд
3/ 795529

ISBN 978-5-17-080718-5

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Пирожкова А.Н., наследник Малаев-
Бабель А.
© Малаев-Бабель А., составление,
вступительная статья, примечания
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Малаев-Бабель. Об Антонине Николаевне Пирожковой, ее книге и о том, что осталось за пределами книги</i>	7
Часть первая. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ В СИБИРИ	29
Мои родители	29
Детство в селе Красный Яр	32
Село Боготол: революция начинается	49
Школьные годы в городе Боготол	68
Учеба в Томске	98
На Кузнецкстрое: «Принцесса Турандот из конструкторского отдела».....	142
В кружке Александри	150
В Москву!.....	157
Часть вторая. МОСКВА — ДО ВОЙНЫ	162
Первые полгода в Москве	162
Встреча с Бабелем.....	169
Отъезд Бабеля за границу.....	178
Абель Енукидзе	194
Николай Эрдман и «Веселые ребята»	202
Бетал Калмыков	208
У Фурера: первый Новый год с Бабелем	224
Метропроект до войны.....	231
С Бабелем в Николоворобинском переулке: Андре Мальро.....	240
С Бабелем на Киевщине и в Одессе	253
Горький	258
«Самый веселый человек из членов РАБИСа».....	263
Рыскинд, Михоэлс, Эйзенштейн	273
Снова Одесса	285
Эми Сяо	289
Работа в Метропроекте в 1937—1939 годах	291
Рождение дочери Лиды	293
Лион Фейхтвангер и другие	303
«Теперь мне жить не дадут»	310

был заверен подписями Романова и Ульянинского, и на нем стояла печать деканата. Я показала его Никитину и Полянскому и убедилась в том, что была права, — Аркаша Полянский признался мне в своих сомнениях и извинился. А протокол этот так и остался у меня.

К Николаю Ивановичу Молотилу я пришла в ближайшее воскресенье, и, должно быть, вид у меня был такой удрученный, что он сразу же начал меня утешать. Сказал, что ни в чем меня не винит, так как хорошо меня знает. Я все же рассказала ему о визите в редакцию стенной газеты, о разговоре с членами редколлегии, о разговоре с Никитиным и о размолвке с Полянским. Это была моя последняя встреча с Молотиловым.

В конструкторском отделе Тельбессбюро я была единственной женщиной-инженером, там не было также и женщин-техников и даже чертежниц. Бюро организовалось не так давно и в ближайшем будущем должно было переехать на Кузнецкстрой. Многие воздерживались от поступления на работу в эту организацию, поскольку никого не прельщала перспектива переезда из Томска в необитаемые глухие места. У меня не было непосредственного начальника — старшего инженера, а был только начальник конструкторского бюро Крячков, который в мою работу не вникал, так как был архитектором, а не конструктором. Он мог только поторапливать меня. Но я и так делала расчеты и чертежи железобетонных перекрытий быстро, поскольку накопила значительный опыт, работая у Молотилова. Я была так занята, что никого из сотрудников в нашей большой комнате не замечала. В перерыв к нам заходила пожилая женщина в белом фартуке и приносила большую корзину с горячими жареными пирожками. Пирожки были с мясом или со свежей капустой. Я покупала два пирожка, наливала себе кружку чая и съедала этот завтрак, не поднимая глаз на окружающих. И однажды утром в ящике своего стола я нашла записку, где автор упрекал меня в том, что я не обращаю никакого внимания на его взгляды. Тогда я посмотрела

вокруг и увидела двух человек с устремленными на меня глазами. Вот это была задача — определить, кто же из них писал записку! Тот, кто сидел слева, показался мне более симпатичным. Он был старше меня лет на десять, и его большие серые глаза смотрели серьезно. Другой был молодой, с черными нагловатыми глазами и нерусскими чертами лица. Через какое-то время мне удалось узнать, что сидящего слева зовут Александр Рафаилович Попов, а того, кто справа, — Владимир Тейтель. Но ни для того, ни для другого у меня не было времени. Днем я была занята на работе, а вечером делала свой дипломный проект. Записки продолжали появляться в ящике моего стола. Я демонстративно, не читая, рвала их на глазах обоих и бросала в мусорную корзину.

Когда я закончила чертежи перекрытий здания заводоуправления, на Кузнецкстрое уже шло строительство и работы велись на уровне фундаментов и всего того, что должно было располагаться в подвальном этаже. Из Кузнецкстроя пришел запрос о моем приезде туда, поскольку у строителей возникло много вопросов ко мне как к автору. Крячков сказал мне, что надо поехать хотя бы дня на три, но что он не хочет, чтобы я ехала туда одна, и пообещал узнать у начальника Тельбессбюро, кто поедет на Кузнецкстрой в ближайшие дни. На следующий день он сообщил мне, что завтра туда отправляется главный металлург завода Иван Павлович Бардин и что для меня купят железнодорожный билет, чтобы я могла поехать вместе с ним.

В вагоне мы сели рядом и разговорились. Ему было интересно знать, почему я выбрала себе такую мужскую профессию, где училась, кто мои родители... Как была бедна и разорена тогда наша страна! Вагон освещался маленькой тусклой лампочкой, никаких матрацев и подушек не было, никакого постельного белья, чая не предлагали. Мне приходилось ездить в хороших поездах в Пермь и Москву, и в них были и матрацы, и подушки, было и белье, хотя старое, застиранное, а иногда и рваное. Здесь же — ниче-

го. Я хотела лечь на верхнюю полку, но Бардин, как настоящий джентльмен, сам полез наверх. Положив под голову портфель, я заснула, а утром мы были уже в Кемерове и оттуда, пересев на другую ветку, доехали до Кузнецкстроя. Бардин сразу же ушел по своим делам, а я попала под град вопросов. Их задавали прорабы, строящие здание заводоуправления и, возможно, впервые в жизни столкнувшиеся с изящными железобетонными конструкциями. Мой опыт в этом отношении тоже был невелик. Все мои проекты железобетонных конструкций, которые я делала у Молотилова, он забирал и отдавал заказчикам, и никто не просил меня осуществить авторский надзор за их сооружением. И только на практике в Мотовилихе я видела, как возводятся перекрытия из железобетона. Но здание небольшой металлографической лаборатории нельзя было сравнить с огромным и сложным зданием заводоуправления. Я отвечала на все вопросы, я не должна была чего-нибудь не знать. Много вопросов было связано с тем, что на стройку поступала арматура не того диаметра, какой был нужен по проекту, или завозили цемент не той марки. Я старалась не менять размеров плит, балок и колонн и обходиться только увеличением или уменьшением числа арматурных стержней.

В такой работе прошло два дня моего пребывания на Кузнецкстрое, и Бардин сказал мне, что завтра вечером мы уезжаем. В конце второго дня я в изнеможении вернулась домой, чтобы лечь спать, но пришел новый прораб и сказал, что им нужно построить резервуар для хранения топлива (бензина, керосина, солярки), а проекта у них нет. Я была в панике, поскольку понятия не имела о резервуарах, ведь о них нам преподаватели не говорили и я о них ничего не читала. Но я и вида не подавала, что не знаю, как сделать такой проект. Я не спала всю ночь, стараясь понять, как работает резервуар, наполненный жидкостью. Мне только сообщили объем жидкости в одном резервуаре, размеры я должна была вычислить сама. Так или иначе, я обдумала проект резервуара и утром начер-

тила его, подсчитала количество стержней арматуры и составила спецификацию расходных материалов. Пришел прораб, и мы обсудили с ним, каким должно быть деревянное перекрытие резервуара и каким должен быть изолирующий слой на внутренней поверхности резервуара. В этом вопросе он, слава богу, не нуждался в моих советах. Я подписала свой проект, и мы дружески расстались с ним. Покончив с делами, мы с Бардиным уехали в Томск.

Я получила от начальника новое задание — разработать железобетонные конструкции литейного цеха. Эта работа не требовала такой сумасшедшей срочности, как для здания заводоуправления, окончания строительства которого все ждали с нетерпением. До этого все службы Кузнецкстроя ютились во временных деревянных постройках, а для жилья использовались деревянные бараки и вагоны. Жилые дома для инженерно-технического персонала только начинали строить. Они были двухэтажные, кирпичные, с деревянными перекрытиями.

Однажды, когда я уходила с работы, ко мне подошел молодой человек в очках и с улыбкой спросил, можно ли меня проводить. Я не была с ним знакома, но видела его несколько раз в обществе Александра Рафаиловича Попова. По-видимому, он был его другом, но работал в другом отделе Тельбессбюро, кажется, в плановом. Я согласилась, но, когда он хотел взять меня под руку, я резко отшатнулась, а он рассмеялся. Да, я была такая! Ни в каком случае не хотела казаться слабой и нуждающейся в поддержке. И никогда ни с кем не ходила под руку, только рядом. Настоящая дикарка! Назвался мой спутник Володей Кудрявцевым и спросил, как можно меня называть — имя и отчество он знал. Пришлось сказать, что мои друзья называют меня Ниной. И тут он вдруг заявил, что со мной очень хочет познакомиться его друг Шура Попов. Значит, он и есть тот, кто писал мне записки? На другой же день у выхода меня ждали двое — Володя Кудрявцев и А.Р. Попов. Так состоялось это знакомство, и с тех пор АРэ, как я его назвала, категорически отказав-

видать моих друзей из бывшего Тельбессбюро, главным образом АРЭ, а также брата, который там работал. Маме особенно понравилось, что я увижу Игоря и расскажу ей о нем всё подробно: как выглядит, как питается, как живет. И я уехала на Кузнецкстрой.

На Кузнецкстрое: «Принцесса Турандот из конструкторского отдела»

Я никому не сообщила о своем приезде и, когда сошла с поезда, отправилась искать конструкторский отдел Кузнецкстроя, где должны были работать мои знакомые из Тельбессбюро. Придя в здание заводоуправления, я разделалась и, оставив в гардеробной чемодан, пошла в конструкторский отдел, который располагался, как я узнала от гардеробщицы, на втором этаже. Увидев меня, несколько человек, которые раньше работали в Тельбессбюро, подошли ко мне, чтобы поздороваться. Когда мы работали в Томске, они стеснялись подходить ко мне, а здесь вели себя как знакомые, и я отвечала им тем же. Главный вопрос, который их волновал, — приехала ли я для того, чтобы здесь работать. Я ответила, что приехала в отпуск на несколько дней, чтобы повидать брата и знакомых. Из соседней комнаты вышел АРЭ, очень удивился и явно обрадовался, полагая, что я приехала сюда работать. Мне было неудобно, что из-за моего появления поднялся такой шум. Я сказала, что зайду еще к концу рабочего дня, и отправилась осматривать площадку строительства.

Всё изменилось до неузнаваемости — так много было построено за последний год. Здание заводоуправления выглядело солидно, за ним тянулся целый ряд недавно построенных двухэтажных домов для инженерно-технического персонала. Эти дома располагались у подножия довольно высокого холма, на вершине которого была отгорожена часть леса и устроен парк с аллеями, эстрадой и скамьями.

На заводе шли работы по сооружению цехов, закладывались фундаменты под доменные печи и фундаменты зданий соцгорода. Каждый новый город, строящийся в нашей стране, назывался социалистическим городом. И на всех стендах площадки я увидела красочные объявления о том, что на Кузнецкстрой из Москвы приезжает Вахтанговский театр. В конце рабочего дня я пришла в конструкторский отдел. Я взяла чемодан и дождалась АРЭ и Володю Кудрявцева, который сразу же заявил, что обедать мы будем у него и что Агочка нас ждет. Встреча с Агочкой была радостной, мы расцеловались. Во время обеда я узнала, что мой брат живет в рабочем общежитии в комнате, где вместе с ним проживает еще несколько человек, а АРЭ живет в доме у подножия холма вместе с другим инженером. Володя Кудрявцев предложил мне занять комнату его помощника Малова, который вчера вместе с женой уехал в отпуск в Москву и оставил ему ключ. Тут же было решено, что мы покупаем билеты на представления вахтанговцев — для меня это было приятной неожиданностью. Поздно вечером Володя и АРЭ проводили меня в комнату Малова. Постельное белье у меня было с собой благодаря заботам мамы, а чай, сахар, хлеб и что-то еще из еды дала мне Агочка.

Слух о моем приезде быстро распространился по заводоуправлению и, конечно, дошел до начальства. Начальником Кузнецкстроя был Франкфурт, а главным инженером — Казарновский. И уже на третий день моего пребывания на стройке меня просил зайти Казарновский, о чем мне сообщил АРЭ. Когда я пришла, он стал уговаривать меня остаться работать на Кузнецкстрое, хвалил меня как инженера, сказал, что им очень нужен именно такой человек, знающий заводские конструкции и уже много сделавший для Кузнецкстроя. Я отказывалась, ведь у меня было направление на работу в НИИ Новосибирска и я не могла остаться. Во время нашего разговора зашел Франкфурт, познакомился со мной и тоже начал меня уговаривать: «Зачем Вам НИИ? Это же исследовательская работа, которая пригодится, быть может, в будущем, а не сейчас.

А у нас работа живая, Вы будете видеть ее результат». Но я категорически отказалась и ушла.

Пока мои друзья работали, я отдыхала: читала, заходила к Агочке и слушала ее игру на пианино. Навестила брата Игоря, которого пришлось разбудить, так как застала его спящим после ночной смены. Узнала, как он живет, как питается, с кем дружит — всё это надо было потом рассказать нашей маме.

Октябрь был солнечный, сухой, настоящего снега еще не было, и я уходила в парк или в лес и гуляла там. Обедала часто вместе с АРэ и другими знакомыми в заводской столовой в отдельной комнате для инженеров и служащих. Еда была не очень-то вкусная. Но какое это имело значение, если вечерами мы все вместе шли на спектакли Вахтанговского театра — на «Принцессу Турандот» с Мансуровой и Завадским в главных ролях, на «Виринею» и «Разлом»? «Принцессу Турандот» я смотрела дважды, была потрясена игрой актеров и самим спектаклем. Дней через семь я решила уехать домой и пришла к начальнику железнодорожной ветки, чтобы взять билет до Кемерово. Но он мне сказал, что Франкфурт распорядился билета мне не продавать. (Железнодорожная ветка на Кузнецкстрой была в подчинении Франкфурта.) Я задыхнулась от возмущения. Я думала, что могу попросить кого-нибудь другого купить мне билет, но оказалось, что это невозможно: билеты были именные, их выдавали по паспорту. Конечно, такое правило продажи железнодорожных билетов было принято не специально для меня. Некоторые мобилизованные на это строительство специалисты, попав в тяжелые бытовые условия, бежали обратно. И Франкфурт стремился их задержать. Но какое отношение это имело ко мне? Ведь я приехала просто в отпуск, а не по мобилизации на работу. Говорить с Франкфуртом было бесполезно, и я могла только возмущаться. Мои друзья мне сочувствовали, все говорили об этом как о насилии над человеком. Много беззакония творилось в те времена в нашей стране, где люди были бесправны.

Я пребывала в отчаянии, когда меня нашли журналисты — несколько человек из разных городов — и посоветовали мне попросить у начальства высокий оклад и отдельную комнату. Они полагали, что мне, только что окончившей институт, высокого оклада не дадут и отдельной комнаты тоже. Комнат катастрофически не хватало, в одну комнату селили по два, а то и по три человека. И начальству придется меня отпустить. По собственной инициативе я никогда не стала бы этого делать. Но уехать хотелось, и я пришла к Франкфурту и сказала ему всё, что мне советовали сказать журналисты. К моему великому удивлению, Франкфурт, выслушав меня, улыбнулся и сказал, что он согласен. Он даст мне оклад в 365 рублей — ставка старшего инженера — и отдельную комнату в только что отстроенном доме. И я проиграла. Вместо того чтобы настаивать на отъезде, я, по совету журналистов, выставила свои требования, а Франкфурт на них согласился. У меня уже не было другого выбора, и пришлось остаться.

Через два дня в стенной газете появилась заметка под названием «Принцесса Турандот из конструкторского отдела», подписанная начальником отдела кадров Красной. Это была красивая брюнетка средних лет, получившая фамилию Красная, быть может, за участие в Гражданской войне, — в то время было модно менять свою фамилию на другую с революционным смыслом. Она возмутилась, что девчонка в двадцать один год, только что получившая диплом, позволяет себе выставлять такие непомерные требования. Я ее понимала и сама этого стеснялась, но отступать было поздно. Из-за этой заметки в стенной газете многие стали называть меня принцессой Турандот, хотя во мне ничего от Турандот не было и никаких загадок я никому не задавала. Я так прославилась тем, что меня насильно оставили на Кузнецкстрое, что все, кто приезжал туда, непременно хотели со мной познакомиться. Однажды, вскоре после появления заметки, из Москвы приехал журналист от газеты «Известия» Владимир Яковлевич Рузов и тоже захотел со мной встретиться. Он

выслушал мою историю и написал статью под заголовком «Дело о...».

Начальником конструкторского отдела, куда я пришла работать, был архитектор Лев Николаевич Александри*. Снова моим начальником стал архитектор: в Томске был Крячков, здесь — Александри. И снова я работала без непосредственного начальника из конструкторов, и снова, как в Томске, никто мною не руководил и я по специальности никому не подчинялась. Но зато здесь в моем распоряжении были чертежники и копировщики, и я, рассчитав конструкцию на прочность, могла начертить только эскизы и отдать их чертежникам для оформления в рабочие чертежи, а потом, после моей проверки, передать копировщикам, чтобы они сняли копии на кальку. Кальки я снова проверяла и, подписанные чертежниками и мною, несла на подпись к Александри. Александри подписывал чертежи, не особенно вникая, поскольку полностью мне доверял. В большой комнате конструкторского отдела, где работало несколько человек, мне выделили большой стол посередине комнаты, и я могла видеть всех сотрудников, сидящих передо мной. В правом углу работала группа американских инженеров, приглашенных на строительство завода. Я думаю, что они занимались технологической частью металлургического завода. Александри сидел в смежной комнате, в которую он собрал всех, кто занимался проектированием зданий для будущего города. Дверь в его комнату была всегда открыта, и я могла его видеть, но не видела никого из сидящих в его комнате, в том числе и АРЭ.

* Александри Лев Николаевич (1889—?), сын бессарабского помещика, прошедший через революционную эмиграцию. Окончил архитектурный факультет в Цюрихском университете. С 1915 г. работал в России в военной организации ЦК РСДРП(б). В 1918—1919 гг. — политический комиссар Южного участка отрядов завесы и член РВС 8-й армии Южного фронта. В 1921 г. — советник Полномочного представительства РСФСР в Латвии. В 1935 г. назначен начальником научно-исследовательского института архитектуры при Всесоюзной академии художеств, а в 1937-м — заместителем директора Всесоюзной академии художеств. В августе 1937 г. приказом Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК РСФСР освобожден от должности и исключен из списков служащих ВАХ. (Примеч. сост.)

Задания на проектирование я получала от Александри, и сначала это были конструкции прокатного цеха, а потом — путепровод, по которому горячий шлак должен был отвозиться в отвал. Вагонетки с горячим шлаком опрокидывались на бок, и их содержимое высыпалось в большой овраг. Двигались вагонетки по двум узкоколейным путям туда и обратно и могли перемещаться с одного пути на другой у доменных печей и у отвала. Под путепроводом должны были проходить несколько заводских путей, расположенных косо к путепроводу, что усложняло проектирование его колонн. Получив от Александри это задание, я осталась один на один со всеми сложностями и принялась за работу. После этой большой работы я делала много других, среди них, в частности, были конструкции для подземной теплофикации завода и фундаменты под оборудование в цехах. Для зданий будущего соцгорода я не делала никаких работ — этим занимались другие инженеры.

Новый год я встречала у Кудрявцевых в обществе АРЭ и их друзей, и было очень весело. Коллективно лепили пельмени, готовили закуски и салаты. Всё это было не очень-то богато — с продуктами было трудно. Продуктовых магазинов, мне кажется, вообще не было, кроме булочных. Мясо, овощи, молоко можно было купить по воскресеньям у местных крестьян, привозивших продукты на импровизированный базар, местом для которого служила поляна.

Однажды, уже после Нового года, меня вызвал к себе главный инженер Казарновский и попросил провести занятия по бетону и железобетону для прорабов, которые до тех пор умели строить только из кирпича и дерева, иногда с применением металла. Их надо было познакомить с новым материалом — бетоном, который широко использовался на Кузнецкстрое. Я составила программу занятий и расписание, которое было вывешено на доске.

Собрались бородатые мужчины среднего возраста и смотрели на меня во все глаза — должно быть, удивлялись, увидев в качестве преподавателя совсем молодую девушку. Я смутилась, но затем взяла себя в руки и начала им

рассказывать про состав бетона, как его приготовить, и прочее. Слушали внимательно, записывали всё, что я говорила или рисовала мелом на доске. Когда прошло несколько занятий, я стала получать записки с комплиментами и объяснениями в любви. Записки, иногда очень безграмотные и смешные, я находила на столе или в ящичке стола. Я не отвечала на них, а вечерами, когда мы собирались у Кудрявцевых, зачитывала вслух, и все очень смеялись.

После окончания занятий с прорабами я устроила им экзамен, и все отвечали хорошо, видно было, что старались освоить материал, не желая осрамиться перед молодой девушкой. За эти занятия мне была вынесена благодарность, и приказ об этом был напечатан в стенной газете.

Зима 1931 года выдалась в Сибири очень суровая, в отдельные дни морозы доходили до 60 градусов, холода в 40–45 градусов были обычным явлением и держались неделями, пока температура не поднималась до 30–35 градусов. В такие особенно морозные дни нас всех предупреждали, чтобы мы, выйдя на улицу, дышали только через шерстяной шарф или платок. Еще осенью, когда стало ясно, что мне придется остаться на Кузнецкстрое, мама прислала мне все зимние вещи, в том числе связанные ею шерстяные чулки и платок, через который я могла дышать в морозы.

В первый же день утром, когда был мороз в 60 градусов, за мной зашел АРэ и, увидев, что на ногах у меня простые чулки, спросил, нет ли у меня чего-нибудь потеплее, чтобы надеть на ноги. Я ответила, что мама прислала мне белые шерстяные чулки, но надевать их я не хочу — ноги выглядят уродливо, кажутся слишком толстыми. АРэ заставил меня надеть их и сказал, что очень даже красиво, что ножки выглядят, как белые медвежатки, просто прелесть. И я не стала снимать их и потом носила во все морозные дни, снимая, когда приходила в здание заводоуправления.

Однажды, где-то в феврале, в конструкторский отдел строительства из конторы какой-то угольной шахты пришел запрос на консультанта-специалиста по основаниям и фундаментам. Александри послал меня, предупредив,

что там работают сосланные после Шахтинского процесса* инженеры. Ехать надо было километров тридцать в санях. Меня встретили солидные бородатые люди в полушубках и форменных фуражках. Дело оказалось пустяковым — им надо было построить одноэтажное здание новой конторы, но грунты были лёссовые, размокающие от воды. Все домны и цеха Кузнецкого металлургического завода возводились именно на лёссовом основании, поэтому можно понять, как рассмешило меня требование маститых инженеров выслать им консультанта по такому пустяковому поводу. А консультанту не было и двадцати двух лет.

После того как я письменно и с чертежами изложила им мои соображения по поводу закладки здания, главным образом связанные с отводом воды, меня пригласили обедать, очевидно, к начальнику угольной шахты. Квартира была со старинной мебелью, с картинами на бревенчатых стенах и ковром на полу, даже с роялем. Общее впечатление дополняли великолепно сервированный стол и дамы — жены инженеров — в старомодных платьях с бриллиантовыми серьгами в ушах и солидные мужчины в форме горных инженеров. Всё это казалось невероятным для такой глуши. После обеда мне заплатили сто рублей, и я уехала домой. Эта поездка казалась мне чем-то нереальным: и то, что я там увидела, и вызов консультанта по пустяковому вопросу, и моя консультация, и размер оплаты за нее. Сто рублей была невероятно большая сумма, и я вовсе не предполагала, что мне что-то заплатят, — это было мое рабочее время. Зато вечером у Кудрявцевых все слушали меня с большим интересом.

* Шахтинский процесс и процесс Промпартии (Промышленной партии) — первые сталинские процессы, на которых обвинялись во вредительстве инженеры, якобы срывающие выполнение планов по добыче угля и производству промышленных товаров. Руководили производством, как правило, члены коммунистической партии, полуграмотные люди, и свои ошибки — результат плохого руководства — перекладывали на инженеров. Инженеров и ссылали в Сибирь, иногда расстреливали, а народ убеждали, что они вредители. (Примеч. авт.)

В кружке Александри

Через какое-то время после моего приезда на Кузнецкстрой я познакомилась с московским инженером Александром Сергеевичем Резником, приехавшим на работу по мобилизации. Он работал в той же большой комнате, что и я. Резник был удивительно спокойным интеллигентным человеком, и с ним было интересно разговаривать — ведь он был значительно старше меня и очень много знал. Резник рассказал мне, что у него в Москве есть брат, который занимается литературой, а семьи нет, он живет один. Часто он присоединялся к нам с АРЭ во время обеда в столовой и по дороге домой, и я просила его заходить ко мне, когда у него будет время. Однажды он привел ко мне своего знакомого Романа Александровича Эммануэля. Оказалось, что он тоже был москвич, из тех «троцкистов», которых Сталин посылал в Сибирь на «перековку». Во время революции и даже еще раньше Эммануэль был связным Троцкого и водил его на нелегальные квартиры, где встречались коммунисты. При Сталине все бывшие приверженцы Троцкого были исключены из партии и высланы из Москвы. Среди них был и Карл Радек, которого я видела в Томске. Он снимал комнату в стоявшем по соседству с нашим доме профессора медицины Курлова, к которому в 1922 году мама возила больного отца. Профессор Курлов уже умер, и его вдова сдавала комнаты своего большого дома, и одна из них досталась Радеку. Мне довелось видеть его, когда он шел на работу или возвращался с работы домой. Зимой он был одет в светлую меховую куртку, на нем была такая же шапка, шею и подбородок он закрывал теплым шарфом, укутываясь до самого носа.

На Кузнецкстрое Роман Александрович Эммануэль работал в плановом отделе, а в свободное время писал книгу «Религия и Французская революция». В Москве у него были родители, братья и жена Тася с сыном. Он знакомил меня с политической жизнью нашей страны, которая до тех пор была мне совершенно неизвестна. Каждый раз он со-

общал что-то для меня новое и, как я поняла, оставался человеком, преданным Троцкому. Эммануэль дружил с Александри и рассказал мне, что Александри — такой же политический ссыльный, что он получил архитектурное образование в Швейцарии и приехал в Россию как коммунист и поклонник Троцкого. Какое-то время он жил во Франции и хорошо знал французский язык.

В то время как я знакомилась с отдельными интересными для меня людьми на Кузнецкстрое, один из американских инженеров, которого называли мистер Халловой, явно мне симпатизировал и иногда, проходя мимо моего стола, молча клал мне на стол то ластик, то маленькую логарифмическую линейку, то изящную простую, то карандаш «Кохинор». С этим американцем дружил Александр Сергеевич Резник, знавший английский язык.

Мои новые знакомые Резник и Эммануэль рассказали мне, что вечерами они часто встречаются у Александри, и как-то раз передали мне его приглашение зайти вечером к нему домой. Проводить меня взялся Эммануэль. Посередине большой комнаты на втором этаже дома для инженеров стояла круглая железная печка, топившаяся дровами, и дым от нее выводился по трубе через отверстие в окне. Меня это удивило, потому что у этих домов было центральное отопление от заводской котельной. Видимо, хозяин захотел иметь еще и железную печку. Когда мы с Эммануэлем пришли, печка топилась, а Лев Николаевич брызгал на нее хвойным экстрактом из флакона, и по комнате разливался необыкновенно приятный аромат хвои. На печке стоял чайник. И я подумала: до чего же уютным человеком оказался Александри, если сумел доставить себе и гостям в зимние вечера такое удовольствие — тепло, запах хвои и чай. Вслед за нами пришел Резник. Мы и московский журналист Рузов сели за стол, а Лев Николаевич налил нам чай, поставил сахар, тарелку с сушками и пряниками. И начались разговоры о новых книгах, о стихах, о политике. Я читала много, но всё больше классическую литературу. Могла с удовольствием перечитывать Пушкина, осо-

бенно любила Лермонтова и Тургенева. Почти ничего не знала о книгах, появившихся в последнее время, а из поэтов была знакома только со стихами Маяковского и Есенина, и то еще со школьных времен. Александри пытался меня разговорить, хотел, чтобы я рассказала о своих родителях, о школе, о студенческой жизни... И с тех пор я стала часто бывать на вечерах у Александри.

Мне было неловко перед АРЭ и Кудрявцевыми за то, что я стала реже у них бывать. Но мне было так интересно у Александри, что я каждый раз соблазнялась его приглашением. Всегда, когда откуда-нибудь на Кузнецкстрой приезжал журналист из какой-нибудь газеты, его приглашали в гости, чтобы послушать новости из сибирских городов. Но особенно интересно было, когда из Москвы приезжал Владимир Яковлевич Рузов — тот корреспондент «Известий», который написал обо мне статью. Он был в курсе всех последних событий в Москве и так как, наверное, был постоянным корреспондентом газеты «Известия» на стройках Сибири, то за 1931 год приезжал на Кузнецкстрой несколько раз. Он мог много интересного рассказать из московских новостей, но еще и очень хорошо пел песни на стихи Есенина. Нам нравилось, как он пел, пусть даже и без аккомпанемента.

Стыдно вспоминать, какой я была в тот год в кружке Александри. Газет я не читала вообще, поскольку в студенческие годы у меня не было для этого времени. Я многого не знала, была просто провинциальной девушкой с высшим техническим образованием и независимым характером. И больше ничего собой не представляла. Почему же Александри приглашал меня в свой кружок? Думаю, что, во-первых, у мужчин была потребность хоть в каком-то женском обществе, а во-вторых, они ценили меня как очень внимательного слушателя. А других женщин их круга на Кузнецкстрое и не было.

Как это обычно бывает на стройках в глухих, необжитых местах, где нет ни театра, ни кино, работающая там интеллигенция разбивается на кружки по общности инте-

ресов. Одни собираются, чтобы играть в карты, шахматы, лото и другие игры. Другие любят танцевать под музыку и петь. Третьи — веселиться и рассказывать анекдоты. У Александри велись разговоры о литературе и политике, читались стихи и обсуждались новые книги, и я думаю, что это был самый высокий уровень общения.

Познакомившись с этим кружком поближе, я стала смелее и могла показать мое знание стихов и прозы. Обладая хорошей памятью, я со школьных лет помнила стихи Пушкина и Лермонтова, отдельные куски из «Евгения Онегина», а также знала наизусть две сказки Андерсена, которые очень любила: «Роза с могилы Гомера» и «Мотылек». А после того как в Томске мне дважды довелось прослушать сказки Шахерезады в исполнении Сурена Кочаряна, я почти дословно могла рассказать одну особенно мне понравившуюся сказку.

Однажды в кружке зашел разговор о рабочих на Кузнецкстрое, об их жизни. Я ничего об этом не знала, вращаясь в своем замкнутом кругу. Но Рузов и Эммануэль меня просветили, рассказав, как тяжело живут рабочие здесь, как много здесь раскулаченных семей, которым особенно трудно. Они живут в землянках, которые выкапывают на склонах высоких холмов, где из кирпича или дерева сооружают только переднюю стену с дверью и окном. И в этих полутемных землянках ютятся целые семьи с детьми. Питаются в заводских столовых, где еда напоминает арестантскую баланду. Слушать об этом было очень тяжело, особенно потому, что как раз в это время появились знаменитые «шесть условий товарища Сталина», где предписывалось создавать хорошие условия для инженерно-технического персонала. Нас после работы стали кормить значительно лучше, чем прежде. В отдельной комнате заводской столовой открылся буфет с разными закусками, салатами, нам приносили вкусные отбивные, шницели и другие мясные блюда после очень хорошего первого блюда — борща, мясного супа или щей. Обед всегда был из трех блюд, и еще в комнату привезли бочку пива, отчего мужчины были в полном восторге. Обыч-

но я ничего не покупала в буфете, кроме конфет к чаю, но однажды появилось какое-то темное мясо, нарезанное тонкими ломтиками, и мне сказали, что это мясо черных лебедей. Меня это до того поразило, что я купила себе немного, чтобы попробовать, но ничего особенного в нем не нашла. А может быть, это была шутка буфетчика. Но ведь можно перед кем-нибудь похвастаться: «Я ела мясо черного лебедя». Шикарно!

На фоне нашего относительного благополучия особенно тяжело было слушать рассказы Рузова и Эммануэля о жизни рабочих не только здесь, но и на других стройках Сибири. Я и сама стала замечать, как плохо они одеты и как плохо выглядят. Иногда я проходила мимо землянок и встречала женщин и детей из раскулаченных крестьянских семей.

С наступлением весны вся земля перед землянками была вскопана под огороды, которые хоть как-то облегчали их существование. Летом и ранней осенью рабочие могли ходить в лес за ягодами и грибами и ловить рыбу в реке Томь и ее притоках.

Разговоры в кружке Александри касались внутренней и международной политики, и я постепенно стала разбираться в этих вопросах.

Однажды Эммануэль поехал в командировку в Томск и привез оттуда небольшую книжку Исаака Бабеля «Король». Это были одесские рассказы издания журнала «Огонек» на плохой сероватой бумаге и в мягкой обложке без переплета. Мы читали и перечитывали рассказы вслух, восхищались этими новеллами и их красочным языком. Отдельные фразы Бабеля вошли в наш обиход.

Я попросила Эммануэля привезти мне серые брезентовые туфли на низком каблучке, хотя и дешевые, но очень удобные для прогулок. Он привез, но, когда я попробовала их надеть, оказалось, что обе на левую ногу, и пришлось их выбросить. Смеху было много.

Весной наш кружок перестал собираться, потому что начались отпуска, и первым уехал в Москву Александри,

а за ним и Эммануэль. Рузова тоже не было. Погода стояла замечательная, и мы стали гулять в парке и за его пределами. Иногда наша группа состояла из меня, Александра Сергеевича Резника, мистера Халлова и АРэ. Он всегда был с фотоаппаратом, и поэтому сохранилось несколько снимков с американским инженером мистером Халловем. Он немного знал русский язык, но в основном мы общались с помощью Резника, переводившего всё, что говорил мистер Халловей. Ему было около пятидесяти лет, его жена погибла в автомобильной катастрофе, и у него было несколько сыновей.

На Кузнецкстрое к тому времени открылся магазин, и мы узнали, что завезли велосипеды. Мы с АРэ сейчас же отправились туда и купили себе велосипеды. Дамских велосипедов не оказалось, и я приобрела мужской. Никогда прежде я не пробовала ездить на велосипеде, и пришлось сразу же осваивать мужской. Моим учителем был АРэ, и у него хватило терпения, чтобы научить меня не бояться велосипеда и ездить хорошо и довольно быстро. На велосипедах мы уезжали далеко: то за лилиями, то за пионами. Эти цветы, которые в других местах России в основном выращиваются в садах, в Сибири в изобилии цвели просто в лесу и на полянах. Иногда мы отправлялись за особенно редкой тигровой лилией, которую в Сибири называют саранкой. Я не говорю уже об уйме цветов, обычных для Сибири, которые цвели вблизи наших домов, сменяя друг друга. Лето в Сибири короткое, но очень жаркое в июле, а в июне было иногда просто холодно, особенно по вечерам. Уже с середины августа снова становится прохладно и даже холодно.

Очень примитивная и предельно скромная обстановка моей комнаты в июне, июле и августе украшалась букетами цветов, которые я ставила в банках, бутылках, глубоких тарелках, чашках, стаканах — в чем придется. Могла остаться совсем без посуды для чая, заняв под цветы всё, что у меня было. Цветы доставляли мне огромное удовольствие.

Я настолько любила июль и жаркое солнце в Сибири, что просто плавала в блаженстве. Эта любовь к солнцу со-

хранилась у меня до сих пор, хотя теперь я его уже побаиваюсь из-за радиации, о которой так много говорят. В то время мы и не знали такого слова.

Когда в разгар лета уже можно было купаться, мы компанией уезжали на велосипедах на Томь, протекавшую на расстоянии примерно трех километров от Кузнецкстроя. По пути к Томи и обратно надо было проезжать через глубокий и очень широкий овраг. Дорога была в виде большой насыпи с довольно крутыми склонами и узкой полосой, выложенной булыжником, для движения всего одного ряда машин. Эта дорога служила для перевозки песка и гравия от берега Томи до строительной площадки. Можно было вполне сносно проехать посередине дороги, но когда нас догонял или катил навстречу дребезжащий грузовик, надо было съехать на самый ее край, и меня каждый раз охватывал такой страх, что я буквально холодела. В такие моменты малейшее неосторожное движение могло привести к падению, и тогда уж, наверное, пришлось бы катиться по крутому земляному склону до самого дна оврага наперегонки с велосипедом. И, как ни приятно было купаться в Томи, в ее теплой и мягкой воде, мой страх перед этим куском дороги иногда удерживал меня от поездки.

Летом 1931 года из Кузнецкстроя уехали супруги Кудрявцевы. Володе предложили выгодное место под Свердловском в городе Салда, где тоже были металлургические или сталелитейные заводы.

С наступлением осени на Кузнецкстрое начали готовиться к пуску первой домны. Строили сразу две трубы для обеих доменных печей. Каждую трубу возводила своя бригада каменщиков, и эти бригады соревновались между собой. Не только мы, инженеры, но и рабочие всех участков, все домохозяйки из окон своих комнат наблюдали за этим соревнованием. Всех охватило волнение, люди между собою спорили, заключали пари, кто закончит раньше. Никто не оставался равнодушным, воодушевление было всеобщим. Бригады каменщиков были

одинаково сильные, поэтому кирпичная кладка поднималась чуть выше то на одной, то на другой трубе. Трубы были очень высокие, и потому отовсюду было видно, кто кого опережает в данный момент.

В Москву!

В связи с предстоящим пуском первой домны на Кузнецкстрой приехал начальник Востокостали Яков Павлович Иванченко. Если кто-то приезжал на Кузнецкстрой, особенно из корреспондентов газет, то непременно у него появлялось желание со мной познакомиться. Во-первых, я была единственной женщиной-инженером, а во-вторых, меня насильно оставили здесь работать. И несмотря на то что прошел уже год, как я работала на Кузнецкстрое, интерес ко мне, как это ни удивительно, не пропадал. И, конечно, рассказали про меня Иванченко. Возможно, это сделал кто-то из дотошных журналистов, приехавших вместе с ним. Очевидно, Иванченко захотел со мной познакомиться, и как-то раз начальник строительства Франкфурт пригласил меня к себе в кабинет и представил Иванченко. Я не стала ему жаловаться на Франкфурта. Он сам расспросил меня о моей работе и вдруг спросил, не хочу ли я работать в Москве. Я сказала, что хотела бы поехать в Москву, чтобы напечатать статью о расчете железобетонных каркасов, которую я написала еще в студенческие годы, работая у Молотилова вместе с Никитиным и Полянским. И вдруг Иванченко говорит: «Надо наказать Франкфурта за то, что он так поступил с Вами, и поэтому я предлагаю Вам поехать в Москву для работы в Гипрометзе (Государственном институте по проектированию металлургических заводов)». Он предложил мне зайти к нему через день за письмами и сказал: «А Вы знаете, что Франкфурт называет Вас тургеневской девушкой, а я буду называть Турандот, если Вы не возражаете». Надо же, уже успели рассказать ему и о той критической заметке